

## ДЕТСТВО. ОТРОЧЕСТВО. ШКОЛА

### Казань

Счастливым и безоблачным детством Володи длилось до 6 лет (до Первой мировой войны). Оно прошло, в основном, в Казани, в доме деда — Петра Ивановича Котельникова. Усадьба занимала пространство между улицей Гоголя и Поперечно-Леэцкой и простиралась от Большой Красной улицы до поймы реки Казанки. Теперь улица Поперечно-Леэцкая переименована в улицу Мушари, которая доходит только до Большой Красной. Ее продолжения, после пересечения с Большой Красной, которое раньше шло по направлению к реке Казанке и охватывало в востока усадьбу Котельниковых, теперь не существует. Сейчас там находится парк им. Мушари, где ему установлен памятник.

А напротив усадьбы через улицу Поперечно-Леэцкая тогда располагался армейский плац, ограниченный с другого бока улицей Л. Толстого. Там в свои студенческие годы у своей тетушки жил Л.Н. Толстой, и предполагают, что увиденное им на плацу и подсказало сюжет для его повести «После бала».

Двухэтажный бревенчатый дом и небольшой флигель, окруженные парком и садом, расположились на крутом берегу Казанки. Дальняя часть сада переходила в лесок, за ним начинался довольно крутой спуск к реке, поросший травой, который заканчивался забором. Зимой с этого косогора было очень здорово кататься на санках. А внизу была еще улица — маленькие одноэтажные домики, прижавшись к склону, тянулись вдоль реки, от которой отделяла их только дорога и полоска берега, поросшего травой и мелким кустарником. С косогора было хорошо видно, как весной, когда разливалась Волга, берега Казанки заливало водой и порой подтапливало эти домики. А на противоположном низком берегу далеко-далеко заливало водой луга. Володя очень любил смотреть на разлив. Он представлял себе, что это море и по нему плавают корабли... Настоящего моря он никогда не видел, а только читал о нем в книжках, да видел на картинах.

Ни деда, ни бабушку Аделаиду Августовну, в девичестве Шарбэ (немку по происхождению) Володя уже не застал. Дед умер, когда папа (Александр Петрович) был еще гимназистом, а бабушка за несколько лет до рождения Володи. В доме продолжали жить их дети, которые в нем родились и выросли: старшая дочь, Елизавета Петровна (тетя Лиза), преподаватель математики в женской гимназии, средний сын Константин Петрович (дядя Костя) — врач, и младший сын — Александр Петрович. Большая семья Котельниковых жила дружно. Тетя Лиза, у которой не было своей семьи, когда Саня (Александр Петрович) вернулся из Киева с молодой женой, поселилась в небольшом мезонине, стоявшем недалеко от дома. Александр Петрович с женой и тремя детьми занимали второй этаж дома, а дядя Костя с женой (тетей Катей) и четырьмя детьми (Колей, Петей, Манечкой и Варенькой) — первый. У дяди Кости, которому приходилось ездить по вызовам, был даже свой «выезд». Во дворе, у забора, который шел вдоль интендантских складов, отделявших усадьбу от Большой Красной улицы, была конюшня, в которой стояла его лошадь. Рядом была будка, где жила черная дворняжка — любимица детей. Еще там стоял сарай и маленький домик, в котором жил сторож-дворник, татарин. Его дочка, которую звали Кадыська, была приблизительно Володиного возраста, и дети вместе играли и катались на санках. Двоюродные братья Коля и Петя и сестры Манечка и Варенька были намного старше Тани и Володи, поэтому

все вместе они играли очень мало. Лишь изредка, когда у старших появлялось настроение и время «повозиться с малышкой».

Непререкаемым авторитетом в большой семье пользовалась тетя Лиза. Так уж сложилось, после смерти отца она сыграла большую роль в воспитании братьев, особенно младшего — Сани (Александра Петровича). Отношения между братьями и сестрой были очень теплыми и доверительными. Саня часто помогал ей по хозяйству. Володе запомнилось, как по ее просьбе папа передвигал во флигеле тяжеленный шкаф. Тетя Лиза суетилась рядом и приговаривала: «Пожалуйста, поаккуратней, не проломи пол, ... только не проломи пол...» — «Не проломлю, не проломлю», — кряхтя, отвечал папа. «Знаю, проломишь, а потом скажешь, что это произошло “в соответствии с законами механики...”».

В доме Котельниковых любили и знали литературу и музыку. Часто выходили в концерты, в оперу, в театр. Володя, конечно, не любил, когда родители уходили, но ему нравилось, что они надевали нарядные платья и были очень красивые. Мама надевала подвеску (или брошь) с бриллиантами, Володя не запомнил, как она выглядела, в памяти осталось только, что она вдруг вспыхивала разноцветными искорками. Однажды, когда родители вернулись из театра, мама была очень расстроена, потому что оказалось, что где-то потеряла свою единственную драгоценность. Пришли, — а подвески нет. Папа пошел ее искать, но на улице было темно, видно плохо. Он дошел до самого театра, который уже к тому времени закрылся, ничего, конечно, не нашел и вернулся домой. На следующее утро, пораньше, он опять отправился в театр и на этот раз в зрительном зале под креслом, на котором вчера сидела мама, нашел эту подвеску. Потом, во время войны, ее, должно быть, выменяли на продукты. Детей тоже водили в театр на детские спектакли. Самое большое впечатление на Володю произвел костер на сцене. Было видно, что он не настоящий — просто ленточки колышутся, но уж очень красиво. А главное, было непонятно, как же это сделано, почему они так замечательно живо трепещут и не опадают?

Часто приходили гости — друзья и коллеги, в основном, преподаватели Университета. В доме были рояль, фисгармония и скрипка. Это были инструменты еще Петра Ивановича. Александр Петрович очень хорошо играл на рояле и на скрипке. Он не любил «публичных выступлений» и играл, когда никого не было, для себя. Когда Володя немного подрос, то с удовольствием слушал игру отца. Ему нравилась музыка, но больше всего ему нравилось фортепьяно, а из репертуара Александра Петровича — «Лунная соната» Бетховена. Эти воспоминания остались у него на всю жизнь. Фисгармония стояла во флигеле у тети Лизы, и на ней играли очень редко. Когда папа открывал крышку рояля или фисгармонии, Володя с огромным интересом изучал, как они устроены.

Самыми любимыми праздниками были Рождество и Пасха. Обычно в эти праздники ходили в церковь. Родители не так уж часто ходили в церковь, но в эти праздники все было по-особому. Церковь была нарядно украшена, замечательно пел хор... А дома в Рождество, конечно, самым замечательным была елка, украшенная свечками, орехами в блестящих бумажках, всякими сладостями и игрушками. И дети с нетерпением ждали, когда же, наконец, настанет утро и можно будет посмотреть подарки. А в Пасху красили яички, делали пасху, пекли вкусные куличи, и во всем доме стоял изумительный аромат! Приходили тетя Лиза, дядя Костя с тетей Катей и детьми, друзья, знакомые. Было очень весело и радостно.

Масленицу тоже отмечали — пекли очень вкусные блины. Только они были не из белой пшеничной муки, как сейчас пекут, а из гречневой муки, очень ароматные.

Принято было почему-то отмечать не дни рождения, а именины.

Володя был очень спокойным, терпеливым, доброжелательным и жизнерадостным мальчиком. Практически он никогда не капризничал, даже когда падал и расшибал себе лоб или коленки, он мужественно терпел. Когда же заболел, то просто становился грустным и более вялым. Только однажды, когда ему было годика три или четыре, с ним произошло что-то совершенно непонятное. Он вдруг так сильно разрыдался, что его никак не удавалось ни успокоить, ни выяснить, что же с ним случилось. Все страшно перепугались — такой истерики у него никогда не бывало. Его ошупывали, осматривали, — может, ушибся, поранился, что-то проглотил или съел нехорошее, заболел? Выяснить, что же произошло, было совершенно невозможно — он так плакал, что был не в состоянии что-либо говорить. К вечеру он был настолько изнеможен рыданиями, что, обессиленный, заснул. Только утром, когда Володя проснулся и удостоверился, что папа дома и с ним ничего плохого не произошло, у него удалось выяснить, почему он так плакал накануне. А оказалось следующее. Накануне с почтой Александру Петровичу доставили повестку из суда. Дело в том, что незадолго до этого в доме Котельниковых произошло очень неприятное событие. Их горничная вдруг куда-то исчезла, а одновременно из дома исчезли ценные вещи и деньги. Александр Петрович заявил о произошедшем в полицию. Там стали разбираться, и подозрение пало на горничную. Дело было передано в суд. Повесткой, которую Александр Петрович получил в день происшествия с Володей, уведомляли его о состоянии возбужденного им дела. Володя слышал разговоры и всякие рассуждения о случившейся краже, и на него это событие произвело очень сильное впечатление. Узнав же о присланной папе повестке из суда, мальчик решил, что произошло что-то ужасное, и слово «повестка» означает, что папу должны «повесить». Горе мальчика было безутешно. Это было очень сильное потрясение.

Взрослые много работали. Поскольку Александр Петрович преподавал в Университете, то часто работал дома. Володя, будучи еще совсем маленьким, любил пристраиваться рядом, папа давал ему лист бумаги и карандаш, и он тоже «работал». В памяти осталось, что папа писал на сложенных вдвое листочках бумаги мелким, аккуратным почерком. По мере подрастания дети учились — Таня и Володя, когда подросли, занимались немецким языком с преподавательницей-немкой и музыкой с какой-то пианисткой — знакомой родителей.

Детей, как было принято в то время, учили Закону Божьему. Когда года в три или четыре Володя узнал, что Господь лишил Адама и Еву бессмертия за то, что они не послушались его и съели яблоко, он был поражен. Ему было не понятно, почему же люди, зная об этом, все же продолжают есть яблоки, в результате чего болеют и умирают. Тогда он решил, что яблок есть больше не будет и посмотрит, что из этого получится. Родителям он об этом говорить не стал, понимая, что раз они сами их едят, то начнут и его уговаривать. Конечно, они были очень удивлены, что ребенок вдруг стал отказываться от яблок, но поделаться с этим ничего не могли. Так до конца дней своих Владимир Александрович яблок не ел. Сначала потому, что «так решил», а потом оказалось, что его организм

их не принимает. Возможно, тогда было такое сильное самовнушение. Уже под конец жизни, когда его спрашивали, в чем секрет его долголетия, Владимир Александрович шутил: «Я просто не ем яблок».

Игрушек в то время было очень мало. Володя не очень любил играть с обычными игрушками — тряпчонными куклами и мишками, в которые играла Таня, ему это быстро надоедало. Папа специально для него заказал у столяра большие деревянные кубики, где-то достал металлический конструктор.

Годика в три Володя наблюдал, как папа пытался сделать электрическую машину, но ему это не удавалось. Володя слышал разговоры, что когда он был в Германии, то специально для этого купил большой стеклянный диск. Но, к сожалению, на обратном пути диск разбился. И Володя тоже делал «электрическую машину». Он брал катушку с нитками, клал ее в металлическую коробку из под конфет «Монпансье», которую потом закрывал, оставляя наружу довольно длинный кусок нитки. Потом он сильно тряс коробку, в результате чего катушка внутри начинала крутиться, грохотать и «вырабатывать электричество», и по нитке-проводу «тек электрический ток».

Как вспоминала потом его сестра Таня, трехлетний Володя очень любил играть с проводами и нитками, что очень удивляло окружающих. Он любил просто взять и размотать клубок ниток, перепутать их, а потом распутывать. И делал он это очень ловко. Наверное, это у него было вместо «головоломки».

В жизни мне много приходилось иметь дело с нитками. В случае, когда они сильно запутывались, я обращалась к отцу за помощью, чтобы он их распутал. Меня всегда поражало, как спокойно и быстро Владимир Александрович с этим справлялся. Создавалось впечатление, что он каким-то волшебным способом прослеживает «путь» нити во всей этой путанице.

Самое большое изумление вызывали у Тани, когда она стала уже взрослой, следующие воспоминания: трехлетний Володя, перепутав размотанный клубок ниток, раскладывал его тонким слоем «путаницы» на солнце. Он объяснял, что «собирает теплый солнечный свет», и, когда снова сматает нитки в клубок, то у него там будет «собрано электричество», которое потечет по вытянутой из клубка нитке, и у него загорится лампочка — из горячего пара получают же электричество, от которого горят лампочки. Тогда шестилетняя Таня со снисхождением смотрела на глупые фантазии младшего брата. Когда же она стала взрослой, и появились солнечные батареи, она была потрясена своими воспоминаниями.

Дома электрического освещения не было. Впервые электрическую лампочку Володя увидел в больнице, куда их с мамой положили, когда года в три он заболел скарлатиной. Около его кровати, на столике, стояла электрическая лампа с зеленым абажуром, а на стене был выключатель. Его тогда очень мучил вопрос, как же в такой маленький выключатель помещается электрическая машина (генератор), ведь она такая огромная. Они с папой ходили смотреть электростанцию, которая находилась в городе. Там, через большие окна можно было увидеть огромные колеса и какие-то шарики, которые крутились.

По городу ходили трамваи. Володя, знал, что по «дугам» к ним подводится электричество, но как дальше все работает, ему не объясняли. Пытаясь все же разобраться в этом, он по своему детскому разумению представлял себе это так: электрический ток входит в трамвай, попадает «в двигатель», а там ему деваться некуда, вот он и толкает трамвай.

Когда Володя был чуть постарше, они вместе с Таней, а позже и с маленьким братиком Севой, любили «гонять» пушинку натертой (наэлектризованной) расческой — кто дольше продержит ее в воздухе. Делали маятники из шариков, скатанных из сердцевины стебля бузины и подвешенных на шелковую ниточку. Их можно было раскачивать натертой расческой, а еще — заряжать так, чтобы они притягивались или отталкивались. Вообще-то Таня и Сева не очень интересовались этими опытами: Таня — девочка, а Сева еще был маленьким.

А потом Володя с папой проводили физические опыты. Изготавливали Лейденскую банку. Брели стеклянную бутылку с водой и плотно затыкали ее пробкой. Бутылку оборачивали станиолем, а оставшийся между ней и пробкой зазор заливали красным почтовым сургучом, чтобы «не утекал» заряд. У папы была специальная формочка в которой из свинца отливали «шарик на стерженьке». Изготовив такой шарик, протыкали стерженьком пробку так, чтобы его кончик опускался в воду. Потом натирали целлулоидовую расческу тряпчочкой и переносили с нее на шарик заряд. Так и «накапливали электричество». Ух, и искру же получали! Сантиметровую!

У папы была большая фотокамера на ножках. Откуда она появилась, Володя не помнил, а, может, никогда и не знал, так как был еще маленький. Он был страстным и искусным фотолюбителем. Сам в темной комнате приготавливал специальную смесь, которую наносил на стеклянные пластиночки и получал фотопластинки (специальный юстировочный столик, который тогда для этого использовался, сохранился до сих пор). Это был очень сложный процесс. Тогда, еще до войны, Володя был совсем маленьким, и его туда не допускали. Потом папа фотографировал, это было особое действие: надо было выбрать хорошее место для съемок, подождать, когда будет подходящее освещение. Потом опять темная комната — таинство проявления и печатания фотографий. Все это было как волшебство! Папа делал даже цветные снимки, и это было очень сложно. Володе все это очень нравилось! У Александра Петровича были друзья, с которыми он обсуждал фотографические проблемы, обменивался фотоаппаратами. Это увлечение прошло через всю его жизнь и передалось сыну.

А еще они с папой видели на выставке настоящий самолет. Но на Володю он не произвел большого впечатления — сделан из каких-то тряпочек и реечек. Папа объяснил, как он летает. Это было понятно. Он не раз наблюдал, как планирует упавший лист бумаги и летает запущенный бумажный голубь — интересно, но понятно.

К 6-ти годам Володя умел читать, писать, освоил арифметику, начала алгебры и геометрии, правда, тригонометрия сразу как-то «не пошла». Володя очень много и с большим удовольствием читал — книг в доме было очень много.

Отец приводил сына в Университет, где показывал созданный им математический кабинет с математическими моделями собственного изготовления. (Впоследствии этот кабинет с его богатой библиотекой явился материальной базой для создания Научно-исследовательского института математики и механики при Казанском университете.)

Летом Котельниковы выезжали за город. У семьи Константина Петровича был свой хутор. Жена, тетя Катя, с детьми уезжали туда на все лето отдыхать и «заниматься сельским хозяйством». Сам дядя Костя приезжал туда на отпуск. Тетя Лиза оставалась в городе и в отпуск занималась садом, заготовками. Гостила на хуторе в костинной семье и на даче у Сани.

## Дача

Александр Петрович незадолго до рождения Володи купил участок земли в дачном поселке, расположенном в четырех километрах от железнодорожной станции Аракчино. Это приблизительно в 20-ти километрах от Казани. Там он построил дом и вывозил туда на все лето Варвару Петровну с Таней, Володей, Севой и кухаркой. Сам он преподавал в Университете и приезжал на выходные, а иногда и в будни вечером. Ну, а в отпуск он, конечно, был вместе с семьей, и это было незабываемое время.

По-видимому, дом еще достраивался, когда семья стала туда выезжать на лето, потому что Володя очень хорошо запомнил, как подгоняли дощатые полы. Доски клали рядом вплоты и начинали пропиливать щель между ними, убирая тем самым «извилины», потом их подбивали друг к другу и опять повторяли эту операцию... И еще, между взрослыми шел спор — прокляют или нет птицы «толь». Тогда только начали использовать для кровли домов рубероид (толь).

Поселок располагался в замечательном месте — на большой солнечной поляне, на краю леса, окружавшего красивое продолговатое озеро и спускавшегося прямо к воде. С другой стороны поляны было болото. В длину озеро было километра два-три и примерно полкилометра в ширину. А посередине был остров, тоже заросший лесом. Называлось оно Глубоким и, действительно, берега его круто спускались к воде, и дно быстро уходило в глубину. Купаться можно было только у самого берега. Говорили, что в прежние времена вода в нем была очень прозрачная, но со временем озеро стало зарастать и мелеть. Тогда лесник прорыл большую, глубокую канаву, по которой весной вода устремлялась в озеро, пополняя его. Со временем бурные потоки сильно размыли ее, превратив в большущий «каньон». Поскольку грунт был глинистый то в результате вода в озере стала мутной. Для еды и других хозяйственных нужд воду брали из озера и, прежде чем использовать, ее приходилось сначала отстаивать, а потом оставшуюся муть осаждают квасцами.

На противоположном берегу находился другой дачный поселок.

Участок был прямо на берегу. С одной стороны дома — большая поляна, на которой росло только одно дерево — огромная ель с ветками до самой земли, и много роз, которые выращивал папа. Они почему-то росли в ящиках, которые на зиму убирались в помещение. Наверное, зимы в Казани для них слишком холодные. Спустя много лет, уже на своей даче под Москвой, Владимир Александрович тоже пытался выращивать розы, но участок был лесной и очень тенистый, поэтому они росли очень плохо.

Дом был бревенчатый с мансардой. Снаружи, вдоль двух его стен, углом, шла большая открытая терраса, по которой можно было бегать и гонять на велосипедах.

Почти сразу за домом начинался спуск к воде, где были мостки и купальня. Купаться можно было только у самого берега, чуть дальше сразу становилось очень глубоко. Там-то Володя и научился плавать. Сам. Сначала он, стоя в воде, старался нырнуть, но ничего у него не получалось — все время всплывал. Тогда он решил, что раз он всплывает, значит не так-то просто утонуть, и если он будет двигать руками и ногами, то поплывет. И — поплыл.

В поселке было 10 дач. Участки вытянулись вдоль берега озера, а в дальнем от участка Котельниковых конце поселка стояла изба сторожа. У него была лошадь. В случае необходимости он отвозил дачников на вокзал или встречал

приезжающих. С продуктами было налажено неплохо — несколько раз в неделю какой-то «предприниматель» привозил их на телеге. Развозили хлеб и еще что-то. Приезжал он очень рано, и когда привозил хлеб, а сортов выпечки было много, то через окно в спальню доносился изумительно вкусный запах.

Молоко было от своей коровы, которую утром отводили в стадо, а вечером она возвращалась домой. На зиму, когда уезжали в город, ее оставляли сторожу.

Продукты хранили в погребе. Он был сделан как колодец из осины, которая не гниет, крыша вровень с землей, двускатная, покрытая дерном. Зимой внутрь погреба набивали снег, который не успевал растаять до следующей зимы.

По соседству с участком Котельниковых был участок то ли генерала, то ли адмирала. Летом к нему на короткий срок приезжал какой-то мальчик, который учился в кадетском училище. Все поселковые мальчишки, конечно, ему страшно завидовали — у него была очень красивая форма.

В поселке Котельниковы дружили с Адорацкими — они жили через несколько участков, и часто ходили друг к другу в гости. Таня и Володя дружили с их дочкой Варенькой. Сам Адорацкий был адвокатом. У них часто гостила какая-то художница, то ли родственница, то ли знакомая. Она все время писала картины и как-то показывала Володе, как правильно писать маслом. Родителям она говорила, что Володя очень талантливый.

В архиве Владимира Александровича сохранился карандашный рисунок — портрет Володи, нарисованный ее рукой.

Много позже, когда Котельниковы уже жили в Москве, Александр Петрович узнал, что Адорацкий был революционером. В Москве он был директором Высшей партийной школы.

Соседями по поселку были: Онучев, сын которого был ровесником Тани (впоследствии он стал танцором Большого театра); профессор Грачев — астроном, Бурдюков.

Когда папа был на даче, то Володя и Таня ходили с ним в лес за грибами и ягодами, на пчельник, где пасечник угощал их огурцами с медом. Это было очень вкусно.

Папа фотографировал своей большой фотокамерой.

Недалеко от поселка была смолокурня, и Володя с папой любили туда ходить и наблюдать, как они там все делают. Почти через 90 лет Владимир Александрович рассказывал свои детские воспоминания о работе смолокурни так подробно, в деталях, как будто это было совсем недавно. В большой бак с трубкой в стенке, которую забивали пробкой, накладывали сосновые дрова. Затем его плотно закрывали, и разжигался снизу и вокруг костер. Все раскалялось. Дрова, которые находились внутри бака, превращались в уголь (не горели, потому, что не было доступа воздуха). Смола вытапливалась, скипидар испарялся и стекал в трубку. Когда затем все снимали, и бак немного остывал, то выбивали пробку из трубки и сливали скипидар. Потом открывали крышку и вынимали горячие угли — они очень красиво светились, вспыхивая иногда искорками. Их обливали водой — валил пар! А этот уголь потом продавали для самоваров. И соответственно, скипидар тоже.

Еще Володю на смолокурню привлекали пули, которых там было множество, и они с папой их подбирали и приносили домой. Дело было в том, что дрова на смолокурню привозили из леса, который был недалеко от места, где располагалась воинская часть, там были военные лагеря. А учебные стрельбы проводились как раз в этом лесу, на большой поляне, поэтому дрова были

буквально напигованы пулями. После завершения процесса «курения» пули оставались, и их выбрасывали тут же неподалеку.

А когда проводились стрельбы, то на большой дороге, ведущей к району стрельбищ, высоко на огромной сосне, в развилке двух стволов, сидел солдат с трубой и дудел — подавал сигнал, чтобы туда не ходили и не ехали, так как можно было попасть под обстрел. Это тоже было очень интересно.

В полутора километрах от озера Глубокого находилось озеро Лебяжье. Его длина была около 4 км. Берега болотистые. На ближайшем к поселку берегу находилось лесничество, и папа часто туда ходил и брал с собой Володю. Ему запомнилось, что там, вроде, был телефон. Однажды, пока он ждал папу, на него напал огромный петух. Володя пытался справиться с ним с помощью прутика, но петух был очень сильный и агрессивный и если бы не подоспел вовремя лесник, то неизвестно, чем бы все это закончилось.

А потом они с папой совершили большой поход — обошли Лебяжье озеро!

А вечерами, как всегда, папа садился заниматься своей математикой, и Володя пристраивался к нему тоже «писать».

### **Начало Первой мировой войны**

Летом 1914 года родители Володи собрались переехать в Киев, на родину мамы. Она никак не могла привыкнуть к Казани, ее климату, часто болела. Наконец ей удалось уговорить мужа принять предложение занять место профессора на кафедре математики в Киевском университете. Для Александра Петровича Киев тоже был не чужой город. После окончания Казанского университета и защиты докторской диссертации он был избран по конкурсу заведующим кафедрой теоретической механики в организованном в 1898 г. Киевском политехническом институте (КПИ), где проработал с 1899 по 1903 г. В этом городе он и познакомился с Варенькой (Варварой Петровной Литвиненко), которая стала его женой. Там осталось много друзей и коллег, которые давно звали его вернуться. А.П. было предложено место профессора на кафедре математики в Киевском университете. С сентября Александр Петрович должен был приступить к работе на новом месте. И вдруг, вся жизнь перевернулась — началась Первая мировая война.

Шестилетний Володя очень хорошо запомнил этот день. Они с мамой были на даче. Таня, Володя и Сева, как обычно, вечером выбежали на большую поляну перед домом встречать папу, который должен был приехать из города. Видимо, недавно пришел поезд. Люди, которые шли со станции, были очень возбуждены и все повторяли: война, война, началась война! Потом приехал папа и рассказал о страшном известии.

Тогда казалось, что все это где-то далеко и скоро кончится... И не ведомо было, что впереди их ожидали долгие и страшные Первая мировая война, революция, гражданская война, голод, разруха, тиф..., которые поглотят множество человеческих жизней и изломают множество судеб. Из большой семьи Котельниковых останутся только четверо: Александр Петрович и трое детей. Они потеряют всех родных и близких — кто погибнет, кто пропадет без вести, умрет от тифа, а других — разбросает война по белу свету, и не суждено им будет больше никогда свидеться. Только через многие годы, уже после следующей войны, Второй мировой, долетят до оставшихся в живых слабыми отзвуками тех страшных лет кое-какие слухи о судьбах пропавших тогда близких людей.

## Киев и опять Казань

Некоторое время семья все еще оставалась жить на даче, а в конце лета отправились в Киев. Александр Петрович еще в начале лета «нанял» там квартиру, обустроил ее, продав свою казанскую. Приступить к работе в Киевском университете он должен был до начала учебного года.

А дальше обстоятельства складывались так, что семья оказывалась в центре страшных событий в Киеве, под Казанью, в Казани, а затем, с осени 1918 г., опять в Киеве.

В первый же день приезда в Киев они попали в водоворот ужасной паники — «немцы прорвали фронт!» Население хлынуло из города.

С этого и начались их «хождения по мукам». С большим трудом на следующий день удалось устроить отъезд. На вокзале творилось что-то невообразимое: толпы штурмовали поезд, люди, расталкивая друг друга, прорывались к дверям вагонов. Слышались крики, стоны, плач. Детей запихивали через окна... Но уехать все же удалось. Поезд шел на Москву. В Москве переночевали на квартире у Николая Егоровича Жуковского. Александр Петрович и Николай Егорович были очень хорошо знакомы уже более 25 лет.

Еще в 1888 году внимание Жуковского привлекла появившаяся в печати работа 23-летнего Котельникова (кандидатская диссертация), которую Николай Егорович сразу очень высоко оценил и включил в свой обширный труд, посвященный применению комплексных чисел к задачам плоской гидродинамики (1900 г.), неоднократно упоминая «недавно появившееся сочинение А.П. Котельникова». Впоследствии они много переписывались. А после смерти Жуковского Александр Петрович занимался научным наследием Н.Е. Жуковского, завершая научные работы, которые тот не успел закончить...

На следующий день Александру Петровичу удалось достать билеты на поезд, и семья отправились обратно в Казань. Жить в Казани было негде — квартира продана. Решили, что семья поживет пока на даче, а Александр Петрович, чтобы не потерять работу, срочно отправится в Киев, и как только там уладит дела в университете, вернется домой и подыщет для семьи квартиру в Казани. Несколько дней папа подготавливал дачу, чтобы там могла пока жить его семья. Он завозил необходимые на первое время вещи и продукты. Закупал у лесника дрова — наступала осень, и на дворе становилось холодно. Договаривался со сторожем поселка, у которого была лошадь, чтобы в случае необходимости он подвозил Варвару Петровну до станции и отвозил обратно, когда она будет возвращаться поездом из города, и т.п.

Семья разместились пока у тети Лизы и дяди Кости. Двоюродные братья Петя и Коля готовились к занятиям по военной подготовке, введенной в гимназии для старшеклассников. Они с гордостью показывали Володе выданные им пособия. Володя с жадностью вцепился в описание пулемета «Максим». Там была подробная схема его устройства и инструкция по эксплуатации. Володя изучил ее досконально, до каждого винтика. Он ужасно завидовал братьям — «Им, может быть, придется стрелять из настоящего пулемета!»... И, возможно, пришлось. Вскоре призвали в армию и отправили на фронт Костю, а через короткий промежуток времени и Петю. После этого не прошло и месяца, как на семью Котельниковых обрушилось страшное горе — пришла «похоронка» на Костю. А спустя некоторое время — сообщение, что Петя «пропал без вести»... Для Володи это было сильным потрясением: «Как же так, недавно они были здесь и изучали “Максима”, а теперь их нет! Совсем!»

Александр Петрович перевез семью на дачу и отправился в Киев. В Казани работы не было — его позиция в университете была уже занята, а семью кормить надо. Как говорится, человек предполагает, а Бог располагает. Вернуться к своим ему удалось не так скоро. В Киеве началась эвакуация Университета в Саратов, потом обустройство на новом месте, налаживание работы. Он выбирался к семье как только предоставлялась возможность, но удавалось это не так часто, как нужно бы — не позволяла работа. Путь был не близким, а с транспортом в условиях военного времени были большие проблемы, поэтому быстро «обернуться» туда и обратно было невозможно. Каникулы он проводил с семьей.

Варваре Петровне с детьми пришлось прожить на даче около трех лет. Поселок, окруженный лесом, растянулся километра на два вдоль озера, на берегу которого он располагался. С сентября и до начала лета в нем никого не оставалось, все уезжали в Казань. Только на противоположном конце поселка в своей избушке жил старичок сторож. А вокруг, в радиусе нескольких километров, больше ни живой души. Электричества, конечно, там не было. Вода — в озере, дрова — в лесу, продукты — в городе, да и там их доставать становилось все труднее и труднее. Большим подспорьем был огород, которым с весны и до осени занимались Александр Петрович и Варвара Петровна. В холодное время года все ютились в кухоньке, где стояла печь. По ночам часто, особенно зимой, выли волки. Времена были беспокойные и чем дальше, тем хуже. Варвара Петровна, когда ездила за продуктами в город, да и от сторожа слышала, что в лесах «много недоброго люда бродит: какие-то бунтовщики, беглые, дезертиры и просто бандиты»... Участились поджоги поместий, грабежи жителей окрестных деревень. В очередной приезд Александр Петрович договорился с их бывшей кухаркой, и она поселилась на даче — двум женщинам легче справиться с делами, да и не так страшно. Какой-то знакомый генерал (возможно, их сосед по даче) дал папе револьвер и несколько патронов, чтобы мама могла защищаться в случай нападения волков или бандитов. Однажды она показала его детям, наверное, чтобы успокоить, когда им стало очень страшно. Обычно же, во избежание несчастного случая, Варвара Петровна прятала револьвер подальше от детей. Патроны она хранила где-то отдельно. Таня и Володя помогали женщинам по хозяйству, следили за маленьким Севой. В доме были книги и учебники, и они много читали и занимались. В светлое время дня бегали на улице, недалеко от дома. Зимой катались на санках и лыжах с крутого берега к озеру. В теплое время года кухарка привозила на дачу своего сына, который зимой жил у бабушки. Мальчик был немного старше Володи, и они очень хорошо играли.

Летом становилось много легче — в поселок из душной и пыльной Казани съезжались дачники, приезжал на отпуск папа. Да и с продуктами становилось полегче — немного выручал огород, да и некоторые дары леса.

## Взрыв

Однажды летом, как запомнилось Володе — в начале войны, произошло страшное событие. Вдруг, среди бела дня, со стороны, где находилась Казань, раздался жуткий взрыв, потом последовал еще и еще, один за другим, некоторые послабее, а другие более мощные. На лето в поселок съезжалось из пыльной и душной Казани много народа. Все выбежали на улицу. Небо в направлении

взрывов полыхало, озаренное пожарищем. Наконец над лесом поднялся огромный огненный шар, он поднимался все выше и выше, разрастаясь и расширяясь, превращаясь в гигантский светящийся гриб. (Теперь бы это сравнили с атомным взрывом.) Зрелище было устрашающее! В толпе, в основном, были женщины и дети. Мужчины были в городе. Началась паника. Стали кричать, что это диверсанты подожгли склады боеприпасов на пороховом заводе. Завод находился от поселка в нескольких километрах. Кто-то кричал, что немцы прорвали фронт, надо бежать... В разгар всей этой суматохи вдруг появилась коляска директора обсерватории, профессора Дмитрия Ивановича Дубяго, которая мчалась в сторону Обсерватории. Толпа тотчас окружила коляску. Народ стал кричать: «Как не стыдно, взяли бы хоть детей!» Среди всей этой суматохи был только один мужчина — пленный немец, который работал кучером у профессора. Он почти не говорил по-русски, но, по-видимому, понимал, что происходит, и старался всех успокоить. Немец пытался объяснить, что ничего страшного нет, никакая опасность жителям поселка не угрожает. Но к его словам все относились с недоверием, — кто знает, ведь все-таки немец. И тут вдруг кто-то схватил Володю, а затем кухаркиного сына и запихнул в коляску. Не успел Володя опомниться, как кони рванули, и экипаж помчался. Чтобы успокоить мальчиков, по дороге им рассказывали, что в обсерватории они смогут в телескоп наблюдать звездное небо, рассмотреть луну... Привезли их в обсерваторию, в дом профессора. Телескоп им показали, но, к сожалению, вечером небо затянуло облаками, и увидеть звезды и луну не удалось. Детей просто покормили и положили спать, а на утро вернули домой...

Здесь речь идет о второй обсерватории Казанского университета, построенной в 1899–1901 годах в 20 км от Казани. Это строительство стало возможным после того, как в 1897 году Василий Павлович Энгельгардт (1828–1915), член-корреспондент Академии наук, доктор астрологии и философии, передал в дар Казанскому университету оборудование своей частной обсерватории, находившейся в Дрездене, и средства. Новая обсерватория, получившая имя Энгельгардта, стала одной из лучших в России, уступая лишь Пулковской. Директором обеих казанских обсерваторий до конца жизни (1918) был Д.И. Дубяго. Несмотря на ряд приглашений, В.П. Энгельгардт в Казань так и не приехал [10].

А дома лежала больная мама. Сказали, что она с Таней и Севой в панике куда-то побежала по полю, и поскольку была босиком, то сильно изранила ноги. Папа пришел домой пешком только под утро. Идти пришлось от самой Казани, да еще в обход. Из-за взрыва поезда не ходили, и огромное пространство по направлению к Аракчино было охвачено пожаром. Он рассказал, что взорвались пороховые склады, которые находились не так далеко от поселка. В памяти у Володи осталось, что по рассказам взрослых папа прошел тогда около 80 км. Зарево пожара полыхало еще несколько дней.

Возможно, это была диверсия. В то время, в начале войны, была целая серия взрывов пороховых заводов в России. Например, в 1919 г., когда Котельниковы уже жили в Киеве, там тоже был страшный взрыв на пороховом заводе. (История с взрывом порохового завода описана и в романе М. Булгакова «Белая гвардия».) Могло это происходить и в результате больших перегрузок заводов, из-за очень интенсивной работы, и кроме того, из-за нарушения техники безопасности. Оборудование было не новое, и обычный режим работы заводов был гораздо менее напряженным. Во время войны режим стал форсированным, и оборудование могло не выдерживать такую нагрузку.

Много позже в литературе была представлена другая версия случившихся тогда событий. Утверждалось, что, «по свидетельству очевидцев», в Казани произошло следующее. «Во вторник, 14 августа 1917 года, на железнодорожной ветке, ведущей на станцию Лагерная (эта ветка проходила в километре от поселка Аракчино), по-видимому, из-за небрежного обращения путейцев с огнем загорелись вагоны со снарядами и патронами, готовые к отправке на фронт. Потом они начали рваться и разлетаться в разные стороны. Неожиданной «бомбардировке» подверглись слободы Заречья: Игумново, Адмиралтейская, Пороховая, Ягодная. В Заречье началась паника. Рабочие порохового завода, Алафузовской фабрики и завода Свешникова бросились в свои дома, чтобы, прихватив самые ценные вещи, забрав детей и престарелых родителей, бежать подальше от взрывов. Несколько снарядов упали на пороховой завод, где также начался пожар. Взорвались мастерские». Ценой своей жизни ситуацию спас начальник завода генерал-лейтенант Всеволод Лукницкий, который бросился в опустевшее предприятие и открыл дренажную систему, служившую для затопления цехов и складов с боеприпасами. Тем самым он спас не только район, но и весь город... Пожары в Заречье полыхали три дня. «От взрывов полностью был уничтожен химический завод купца Ушкова в Игумнове... Сотни семей остались без крова, взрывная волна выбила стекла во всех домах, даже Верхнем Услоне... Пароходы были отведены от пристаней на 15–20 километров вниз по Волге... Число убитых и раненых шло на десятки» [11].

Несмотря на то что жена и дети Александра Петровича тогда находились далеко от места происшествия, эти страшные события принесли большое горе и в семью Котельниковых. Один из взрывов унес жизнь новорожденной дочери. Володя об этом ничего не знал, его тогда увезли в Обсерваторию. Таня же, старшая сестра, была свидетельницей этой трагедии, о чем она рассказала только много лет спустя. Оказывается, Варвара Петровна тогда ждала ребенка и должна была скоро родить. Володя был мал, и ни о чем не догадывался. Во время этого кошмара у нее начались роды. Кто-то из взбудораженной толпы решил, что ее надо отвезти к доктору. В суматохе маму посадили на телегу сторожа и куда-то повезли. Возможно, хотели добраться до Казани. Во время одного из очень сильных взрывов лошадь «понесла». На каком-то ухабе телегу сильно тряхнуло, мама упала, очень сильно расшиблась... В результате она родила дочку. Девочка, видимо, тоже получила травму, и, к сожалению, довести ее до дома не удалось — по дороге она умерла.

### **Революция. Восстание белочехов**

Осенью того же года произошел Октябрьский переворот. Большевики взяли власть в свои руки в Казани почти одновременно с Петроградом, в ночь с 25 на 26 октября (7–8 ноября) 1917 года. Девятилетний Володя не запомнил этих событий: то ли это произошло относительно тихо, то ли они еще жили на даче. Во всяком случае, дома среди взрослых бурного обсуждения этого события не было. В стране царил полный хаос. Занятия в университете, эвакуированном в Саратов, прекратились, и безработный Александр Петрович вернулся домой. В Казань из Аракчино они переехали, по-видимому, осенью 1917 года. Сначала снимали квартиру где-то в городе. Потом папе удалось договориться с новым хозяином (или его управляющим), и семья разместилась в своей

бывшей квартире, в доме деда, заняв там две комнаты. Новый хозяин квартиры, по-видимому, уехал куда-то во время революции. Похоже, они так и не успели обжиться в этой квартире — во дворе оставались так и не распакованные ящики с какой-то посудой и еще чем-то.

«Настала зима, какую именно предсказывали. Она еще не так пугала, как две наступившие вслед за нею, но была уже из их породы, темная, голодная и холодная, вся в ломке привычного и перестройке всех основ существования, вся в нечеловеческих усилиях уцепиться за ускользающую жизнь...

Старая жизнь и молодой порядок еще не совпадали. Между ними не было ярой вражды, как через год, во время гражданской войны, но недоставало и связи. Это были стороны, расставленные отдельно, одна против другой, и не покрывавшие друг друга.

Происходили перевыборы правлений везде: в домовладениях, в организациях, на службе, в обслуживающих население учреждениях. Состав их менялся. Во все места стали назначать комиссаров с неограниченными полномочиями, людей железной Воли, в черных кожаных куртках, вооруженных мерами устрашения и наганами, редко брившихся и еще реже спавших» (Б. Пастернак. «Доктор Живаго»).

Родители едва сводили концы с концами, и как это им удавалось, Володя не помнит, а может и не знал, поскольку был еще мал.

Весной 1918 г. обстановка в Казани, как и во всей России, была крайне тяжелой — начался голод. Введение большевиками «продразверстки» встретило яростное сопротивление зажиточного крестьянства, перешедшее вскоре в вооруженную борьбу. Начались массовые контрреволюционные мятежи по всей стране.

Выступление чехословацкого корпуса, сформированного в конце 1916 г. из пленных чехов и словаков, выразивших желание воевать на стороне Антанты, стало поворотным моментом, определившим вступление гражданской войны в новую фазу: начавшаяся стихийная гражданская война приобрела формы регулярной войны. В сравнительно короткий срок при помощи чехословацкого корпуса советская власть была свергнута в Поволжье, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке.

К Казани белочехи и белогвардейцы подошли 5 августа. Они высадили десант в районе Дальнего устья. Два дня шли ожесточенные бои, и 7 августа город перешел в руки белых. Захват города был ознаменован разгулом дикого террора.

Самих боев Володя не запомнил, возможно, во время этих событий они были в Аракчино, но он хорошо запомнил разговоры взрослых об ужасах, которые происходили в городе — об убитых, о разбоях... Соединения чехословаков вскоре покинули Казань и двинулись дальше пробиваться на соединение с Антантой, оставив в городе белогвардейские части.

В начале сентября прошел слух, что к Казани подходят красные. Среди интеллигенции поднялась паника. Говорили, что, отвоевав снова власть, «красные свирепствуют пуще белых» — жестоко расправляются со всеми, кто тогда, когда они отступали, не покинул город вместе с ними. Многие собирались бежать, но как и куда? Поезда почти не ходили, а на те редкие, которые вдруг появлялись, попасть было практически не возможно. Во время штурма красных все со страхом и тревогой прислушивались к стрельбе, пытаясь предугадать исход сражения. Накануне взятия города красными, 9 сентября, дяде Косте удалось со своей семьей куда-то убежать. По-видимому, ему, как врачу, работавшему

в госпитале, предоставили место в поезде, на котором уезжали отступавшие белогвардейцы.

Александр Петрович тоже решил бежать. Десятилетний Володя запомнил, как ночью их разбудили, тепло одели и, взяв узлы с вещами, куда-то побежали. Было темно, холодно, а они бежали, бежали... Так никуда и не убежали, вернулись домой. Скорее всего, им не удалось попасть на поезд.

И больше никогда в жизни не довелось встретиться ни Александру Петровичу с братом и его семьей, ни его детям. След их был потерян. Только почти полвека спустя, по-видимому, по публикациям в прессе, Владимира Александровича разыскала очень симпатичная молодая женщина, приехавшая в Москву из Иркутска в командировку. Оказалось, это была вдова двоюродного племянника Владимира Александровича, сына Пети. Когда она пришла в гости, то рассказала, что никого из членов семьи Константина Петровича уже нет в живых. После отъезда в 1918 году из Казани Константин Петрович с семьей оказался в Иркутске. Потом нашелся «пропавший без вести» Петя. Он служил сначала в царской армии, после революции сначала у белых, а потом, вроде, оказался у красных. В конце концов он каким-то образом попал в Иркутск и разыскал своих родителей и сестер. Позже он женился и у него был сын. Петин сын впоследствии работал бульдозеристом на строительстве Иркутской ГЭС и погиб — его бульдозер во время работы сорвался под откос. Танечка и Манечка замуж так и не вышли, и своих семей у них не было.

А на следующий день, 10 сентября, город заняли красные. Население замерло в тревожном ожидании. Но с семьей Котельниковых ничего страшного не произошло. Только в квартиру к ним подселили красного комиссара в черной кожаной куртке. Он оказался «хорошим» — с взрослыми, интеллигенцией, обращался вежливо, а детям дарил игрушки, экспроприированные у уехавших хозяев квартиры. Володе запомнилась подаренная им красивая карета — сигаретница. Родители очень не одобряли этого, но «воспитывать» комиссара не решались. Дома комиссар бывал редко, видимо, было много работы.

## Снова Киев

Вскоре Котельниковы решили опять ехать в Киев. Дошли слухи, что там установилась гетманская республика, нет голода, и налаживается нормальная мирная жизнь. Появилась надежда, что снова начнет работать университет. У Александра Петровича имелись документы, свидетельствующие, что он является профессором Киевского университета. По-видимому, это и помогло ему получить все необходимые бумаги для проезда. С большим трудом ему удалось достать билеты на поезд. Поезда почти не ходили.

Ехали в товарном вагоне поезда. Так ездили, практически, все, кому посчастливилось достать билет. Володя не запомнил деталей долгой и трудной поездки в Киев. Он вспоминал только, что в вагоне, похожем на старый сарай в Аракчино, было очень много народа. У взрослых были проблемы и переживания, а Володе было все очень интересно. Дети ухитрялись даже как-то играть. Поезд довольно часто останавливался, и часто в вагон залезали какие-то вооруженные люди, осматривали багаж, проверяли документы, иногда кого-нибудь уводили...

Это был обычный способ «путешествия» простых граждан России в то «смутное» время.

Очень живо подобное «путешествие», описано в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго». Приблизительно в то же время, в таком же вагоне, только

в противоположном направлении — с запада на восток, убежал со своей семьей на Урал от московского голода доктор Юрий Андреевич Живаго.

Почти полное совпадение ситуации и обстановки. И даже довольно редкая фамилия у тестя доктора Живаго, профессора Громеко, совпадала с фамилией профессора Казанского университета, руководителя кандидатской работы Александра Петровича Котельникова. Только у реального профессора и персонажа романа М. Булгакова не сходились имя и профессия.

«Вагоны на первых порах показались... хлевами на колесах. Эти клетушки должны были, ..., развалиться при первом толчке или сотрясении. Но вот уже третий день их бросало вперед и назад и валяло на бок при перемене движения и на поворотах. И третий день под полом часто-часто перестукивались колесные оси, как палочки заводного игрушечного барабанчика, а поездка протекала благополучно, и опасения ... не оправдывались. Посреди вагона располагалась железная печурка, на которой пассажиры что-то грели и готовили... Люди размещались на нарах, выстроенных в три яруса вдоль стен. На остановках, если повезет, можно было выменять за вещи какую-нибудь еду...»

Таким же образом и Александр Петрович с Варварой Петровной по очереди на остановках пытались добыть какую-нибудь еду.

В Казани же в результате голода и разрухи военных лет к 1920 году (по сравнению с 1914 годом) население сократилось почти на треть. В городе почти полностью были разрушены более 500 домов, сгорел великолепный оперный театр, разрушена коммуникационная система, не работали многие промышленные предприятия.

С большим трудом, преодолевая «кордоны» белых, красных и сталкиваясь с разрозненными группами бунтовщиков, контрреволюционеров разных мастей и просто бандитов, удалось добраться до Киева.

Поселились у маминой сестры, тети Паши (Павы Петровны Татариновой), которая жила недалеко от железнодорожного вокзала, на улице Тургенева, в доме № 18. Это был желтый трехэтажный дом, на первом этаже которого со стороны улицы был магазин. Неподалеку улицу Тургенева пересекал широкий Бибиковский бульвар (впоследствии бульвар Тараса Шевченко), который выходил на Еврейский базар, а за базаром находился вокзал. Тетя Паша была вдова и жила одна в большой квартире, на втором этаже. Муж ее, инженер, специалист по паровым машинам, раньше работал на судостроительном заводе. Он погиб во время аварии, которая произошла при испытании одного из паровых котлов. Дочь, двоюродная сестра Володи, красавица Илочка, была замужем за офицером царской армии, который после революции оказался в Белой армии. Жила она у мужа. В бумагах, которые остались после смерти тети Пашиного мужа, было очень много копий — «синек» чертежей паровых установок. Володиным любимым занятием было рассматривать эти чертежи и пытаться отгадать, что же там изображено. Как ребусы. Папа показывал Володе, как надо «читать» чертежи.

Как-то вскоре после приезда в Киев всей семьей ходили в гости к еще одной маминой сестре — тете Миле. Она была замужем за врачом-психиатром, фамилия которого была Сенкевич. Жили они в доме, который находился на территории больницы, где-то на окраине Киева. У них было два сына приблизительно Володиного и Севиного возраста. Володе запомнилось, что в доме было не обычное дровяное отопление, с печкой, а воздушное отопление. Это был очень интересно и удивительно. Пока взрослые разговаривали, мальчики показали Володе и Севе, как оно устроено. Они сводили Володю и Севу

в подвал и показали печь, которая стояла там внизу, и воздушные «короба», как трубы, только прямоугольного сечения, которые были проложены по стенам дома. Они переходили с этажа на этаж, из комнаты в комнату, и по ним шел теплый воздух, который и обогревал помещение. А еще у ребят было два духовых ружья. Настоящее сокровище! Ружья были незаряжены, и Володя с Севой могли их подержать, рассмотреть. Пострелять, правда, не удалось, но Володя их внимательно изучил.

Потом события складывались так, что больше они не виделись, друг к другу в гости не ходили. Было не до этого.

Только спустя 23 года, перед самой Второй мировой войной, в Москве объявился один из братьев Сенкевичей. Он, вроде, учился в Артиллерийской академии и несколько раз заходил к Володе с Нюсей в гости. Но потом он исчез — началась война. Больше о нем никаких сведений не было. Скорее всего, он погиб. Оборвался след и остальных родственников Сенкевичей.

Университет еще не открылся. Александр Петрович был без работы. Их жизнь в Киеве, как вспоминал Владимир Александрович, очень образно и точно описана в романе М. Булгакова «Белая гвардия». То же время, то же место и те же обстоятельства. «Велик был год и страшен год по рождестве Христовом 1918, но 1919 был его страшней...» Шли бои, город много раз переходил из рук в руки, кругом царил разруха. Время было страшное, голодное. Денег не было, продавать было нечего, а семью кормить надо. Профессор варил мыло по рецепту и из сырья, которые доставали его друзья и бывшие коллеги. Дети расплетали какие-то покрывала и занавески на нитки, сматывали их в клубки. Мама пекла булочки из продуктов, которые также доставали знакомые ... Испеченную булочку она надрезала и клала внутрь крем. Она очень гордилась, говорила, что это ее изобретение — такие булочки с кремом. Булочки были очень вкусные, но они были на продажу, и детям доставалось совсем мало. Для семьи это было недопустимая роскошь.

Все это отец потом продавал на рынке. А вечером Александр Петрович садился за письменный стол и допоздна работал. По-видимому, пример отца, увлеченного наукой, привыкшего постоянно трудиться, и воспитал в Володе желание и умение самостоятельно работать. Были книги, учебники, которые в этой семье были предметом первой необходимости и переезжали с ними из города в город. Читать их было интересно, и он самостоятельно постигал науку. Конечно, была возможность выяснить непонятные вопросы у отца, но такой необходимости не возникало.

Когда было затишье между боями, детям разрешалось играть во дворе со сверстниками. За домом было два двора, отделенных от других дворов забором. Доски его были набиты поперек, и забор постепенно «таял». По-видимому, его разбирали на дрова. Когда забор стал ниже человеческого роста, начались яростные сражения с соседними мальчишками — бросались камнями. Володя не обладал крепким здоровьем и большой физической силой. Но сверстники очень быстро признавали в нем своего лидера, и именно ему доверялось принятие ответственных решений в их ребячьих делах, поскольку он был спокойным, доброжелательным, рассудительным и в то же время смелым, решительным и справедливым. Кроме того, он очень много знал и был полон разных интересных идей. Так было среди ребят во дворе, а затем в школе и институте. Однажды мальчишки соседних дворов решили устроить бой. Володя был избран представителем своего двора. Поскольку он был мальчиком не драчливым,

то один из товарищей, Володя Покрас, попросил своего старшего брата обучить Володю приемам бокса. И так, в назначенный день и час бой состоялся. Володиным противником был крепкий и высокий парень, по-видимому, старше его. Мальчишки-«представители» прыгали, прыгали друг вокруг друга, пока противник вдруг ни врзал Володе в глаз. «Противник» и его команда, а также команда Володи так испугались, что мигом все разбежались. Посреди двора в гордом одиночестве остался подбитый, но не побежденный Володя. Враг покинул поле боя. Победила выдержка. На том все и кончилось. Остался только здоровенный синяк вокруг глаза. После того как забор окончательно рухнул, наступил мир — начали играть вместе.

Играли в футбол. Настоящего мяча не было. Вместо него просто брали чулок, набивали его газетами и тряпками и — «мяч» готов. Играли в «штандер», классики, казаки-разбойники, собирали патроны и пули. Из патронов выковыривали пули, а порох поджигали... Инициатором всех «подвигов» был Володя Покрас — маленький, живой, «генератор авантюрных идей». Все военные трофеи были общественные и тщательно прятались от родителей в деревянном сарае, который стоял у них во дворе.

Однажды ребята нашли саблю без рукоятки. Долго не знали, что с ней делать. Поскольку в городе то и дело шли бои, то мальчишки, естественно, их обсуждали. Им доводилось видеть и раненых, и убитых. Как-то, во время одной из дискуссий на эту тему, Володя сказал, что читал, будто когда человек сильно ранен, то кровь, текущая из его раны дымится, и для убедительности продекламировал А.С. Пушкина из «Евгений Онегин» (дуэль Онегина и Ленского):

«Под грудь он был навывлет ранен;  
Дымясь, из раны кровь текла».

Тотчас разгорелся жаркий спор — кто-то принял эту информацию, другие возражали: «Вранье все это! Мало ли что напишут! Вон, палец порежешь, так кровь течет и — никакого дыма». А как проверишь? Пока ребята спорили, кто-то притащил дохлую кошку. Теперь уже стали обсуждать другую проблему — живодерство или нет отрубать дохлой кошке хвост. Но любопытство — «будет ли дымиться кровь», взяло верх. Решили, что раз кошка все равно дохлая, то это ничего, можно. Кто уж решился отрубить, Володя не запомнил. Но ни крови, ни дыма не было. К счастью на этом эксперименты с саблей закончились.

Когда в городе шли бои и были сильные перестрелки или артиллерийские обстрелы, жильцы прятались в подвал, который находился под домом. Однажды один из соседей, жилец с 3-го этажа, что-то забыл в своей квартире и решил быстренько сбежать туда. Побежал и ... так и не вернулся. Потом нашли его в квартире убитым. По-видимому, «напоролся» на мародеров.

Родители боялись оставлять детей одних в квартире и по возможности, когда уходили, брали их с собой, даже на базар, где им приходилось продавать свою продукцию. Володя очень хорошо запомнил, как папа продавал добытые и смотанные ими в клубки нитки. Это было целое представление. Вокруг собралась большая толпа народа. Папа прочитал очень увлекательную лекцию о том, как эти нитки делаются, почему одни прочные, а другие нет. Дальше он продемонстрировал их прочность и устроил даже соревнования. Все были очень довольны. Володя, правда, не запомнил, удалось ли в итоге что-нибудь продать.

В 1919 г. муж Илочки, офицер, с отступившей белой армией оказался за границей, в Греции.

Позже уехала к нему в Грецию Илочка, а через некоторое время и тетя Паша. Так их след и оборвался...

В своих анкетах Владимир Александрович Котельников на вопрос «имеются ли родственники за границей» отвечал «имеются, но связи с ними не имею».

А много лет спустя, когда он был уже вице-президентом Академии наук СССР, пришел к нему как-то сотрудник соответствующего отдела и сообщил, что поступило сообщение из Посольства СССР в Греции, что к ним пришла какая-то очень пожилая женщина, которая наводила о нем справки — хотела выяснить, не родственник ли он ей. Владимир Александрович сначала даже не мог сообразить, кто бы это мог быть. Потом вспомнил, что это могла быть Илочка, которую тогда, в конце Гражданской войны, он несколько раз видел в Киеве у тети Паши. Тети Паши, должно быть, уже не было в живых, она была старше даже его мамы. С тех пор он о них ничего не слышал. Сотрудник отдела настоятельно порекомендовал ему, в таком случае, не «идти на контакт».

А Таня, оказывается, еще до Великой Отечественной войны какое-то время «тайно» переписывалась с тетей Пашей, которая каким-то образом ее разыскала. Об этом она ни отцу, ни братьям не рассказывала, так как боялась им навредить. А жила тетя Паша в Греции очень тяжело. Илочкин муж вскоре после того, как они туда приехали, умер. Какое-то время спустя она вышла замуж за грека, владельца какого-то ресторанчика. Зять тещу «не принял» — не хотел ни видеть ее в своем доме, ни помогать ей. И тетя Паша вынуждена была на старости лет работать судомойкой и влачить жалкое существование...

После отъезда тети Паши семья оставалась еще жить в ее квартире.

В 1920 году Александр Петрович был приглашен работать в Политехнический институт («Политех»), открывшийся первым из вузов после всех «пертурбаций». Жизнь, вроде, начала понемногу налаживаться.

## Тиф

Но в 1921 г вдруг случилась беда. Вся семья, один за другим, кроме чудом уцелевшего 13-летнего Володи, заболела сыпным тифом.

Его забрали к себе двоюродные тетушки, которые жили в доме напротив. Как уж они узнали, что надо его спасти, он не знает. Делать там было нечего. Тетушки рано утром уходили куда-то, а возвращались только поздно вечером, и Володя оставался на целый день один. Во двор ему выходить не разрешали, да и делать в незнакомом дворе было нечего. Тетушки разрешали ему читать книги. В шкафах у них стояли великолепно изданные, в дорогих переплетах, с золотыми обрезами собрания сочинений Шекспира и Шиллера. Времени свободного у Володи было много, и он перечитал все эти книги.

А затем семью постигло страшное горе — от тифа умерли мама и тетя Лиза, папина сестра. Все домашние заботы — хозяйственные и воспитание детей, легли на плечи 56-летнего отца. Дальше они жили вчетвером. Александр Петрович не хотел, чтобы у детей была мачеха, и женился вторично только много лет спустя, когда дети выросли и обзавелись своими семьями. Окруженные его любовью и заботой, дети жили дружно, счастливо и интересно. Володя был за старшего: опекал свою старшую сестру — ведь она девочка, и младшего брата, помогал им в учебе. Папа очень много работал, но находил время для занятий с детьми. Таню и Севу он готовил к поступлению в школу. Володя учился сам и в этом не нуждался. Дети активно помогали отцу. Обязанностью

Тани и Володи было следить за порядком в доме, готовить еду и помогать отцу на огороде, за счет которого они, в основном, кормились, и присматривать за младшим братом Севой, — тот был у них «на подхвате». Чтобы было не обидно, Таня и Володя чередовались: день готовила еду Таня, а на огороде с папой работал Володя, на следующий день — наоборот. Сначала огород находился на территории Политехнического института. Территория института была большая, с парком, спортивными площадками, футбольным полем, теннисными кортами... Когда же наступили тяжелые времена, институт, чтобы сотрудники могли хоть как-то прокормиться, выделил землю под огороды, отдав под это дело футбольное поле.

Однажды, во время очередной смены власти в городе, Володя с Александром Петровичем работали на огороде. Их делянка была почти у самого забора, огораживающего территорию Политехнического института. И вдруг, в нескольких шагах от них, за забором, по дороге довольно медленно, гордо гарцуя на своих конях, проскакал польский конный разъезд. Поляки, в красивой форме и «конфедератках» (форменных головных уборах), спокойно восседали на своих конях и с полным безразличием осматривались по сторонам, не обращая никакого внимания на работающих в огороде мужчину и мальчика. Володе же стало не то чтобы страшно, но как-то немного не по себе.

Позже, на окраине Киева, был выделен участок земли под дачный поселок. Назывался он «Веселый майдан». Там были размечены улицы и участки. Александр Петрович тоже взял участок. Конечно, ни о какой даче и мыслей не было — все было вскопано под огород. Ходить туда приходилось пешком. Это было очень далеко. Уходили они туда на целый день, взяв с собой еду и воду. Чтобы успеть все сделать, выходить приходилось рано утром, а возвращались поздно вечером, страшно усталые. Огород засадили, но урожай собрать не довелось — в 1924-м году уехали в Москву. Особенно жалко было оставлять необработанную картошку. По тем голодным временам это была большая потеря.

### Киевский политехнический институт

После смерти мамы они еще какое-то время продолжали жить в квартире тети Паши. Потом Александру Петровичу выделили две комнаты в профессорском доме на территории Политехнического института. Поселили в квартиру к какому-то «уплотненному» профессору. До этого старенький профессор со своей женой вдвоем занимали всю эту квартиру. Чтобы не очень стеснять профессора, Александр Петрович договорился, что ходить они будут через черный ход и готовить на кухне, когда она будет свободна. Наверное, профессор не был в восторге от «уплотнения», но жили они в согласии и взаимном уважении. Квартира размещалась на первом этаже, так что детям было очень удобно — они, в основном (в теплое время года), входили с улицы и выходили из своей части квартиры прямо через окно.

«Времени было полно», и Володя успевал много читать, играть с ребятами в футбол и теннис самодельными мячами и купленными папой не «барахолке» теннисными ракетками. Теннисные корты находились на территории Политехнического института. Несмотря на скудный бюджет семьи, Александр Петрович исхитрялся выкраивать деньги на приобретение детям книг и разных вещей для творчества и спорта. Так Володя был счастливым обладателем магнети- и динамо-машины, приобретенных папой на «барахолке» еще во время войны, когда он был без работы, и семья едва сводила концы с концами. У детей был

ящик с масляными красками, кисти и картон. Холст был не по карману. Володя очень хорошо рисовал. Писал он в основном пейзажи. Ему самому свои рисунки не очень нравились, но в школе его картины признавались лучшими.

Когда жили в Политехническом, откуда-то появилась скрипка — красивая, в дорогом футляре. Володе очень хотелось на ней научиться играть. На фортепьяно-то он до войны учился играть, а вот на скрипке не доводилось. Он попросил отца достать ему самоучитель игры на скрипке. Но главная проблема была в том, что не было смычка. Мальчик проявлял чудеса изобретательности — из чего только он ни пытался сделать смычок! Но все его попытки окончились неудачей. Те звуки, которые с помощью этих импровизированных смычков удавалось извлекать, были далеки от чего-нибудь удобоваримого.

## Школа

В 1922 году в возрасте 14 лет Володя поступил в школу № 74, которая находилась рядом с территорией института, сразу в 5-ю группу (5-й класс). Учился очень легко, многое он уже знал. Физику у них вел преподаватель Политехнического института. Его уроки всегда были очень интересные и часто проходили в «Политехе», где в большой аудитории демонстрировались замечательные опыты. Математик был студентом того же института. С ним Володя решал задачки «на равных». Некоторое напряжение у него вызывал только украинский язык — в Киев они приехали в 1918 году, и до школы специально украинским языком он не занимался. Володя быстро придумал способ, как минимизировать количество ошибок в сочинениях — писал их в стихах. Он решил, что это очень удобная форма изложения — слов меньше, а места занимает много. Наверное, получалось не плохо, так как учительница не возражала, и он получал хорошие оценки.

В школе выпускалась стенгазета, в которую ученики писали заметки об интересных достижениях науки и техники. Все мальчишки писали только о самолетах. Это было время бурного развития авиации. Володя же решил написать о радио. Радио! Оно нужно везде! И для тех же самолетов!

С самолетами ему, как он считал, все было более или менее понятно. Самолет он видел еще до войны, в Казани на выставке, куда они ходили с папой. А вот радио — оно для него было загадкой!

Впервые Володя увидел, вернее, услышал радиопередатчик в Казани. Когда это произошло, можно только догадываться. В памяти мальчика сохранилось лишь само событие и то, что было тепло и вокруг было все зелено. Однажды к ним во двор ворвалась какая-то тачанка... Судя по бесцеремонности, с которой она к ним влетела, происходило что-то чрезвычайное. Вряд ли это было начало Первой мировой войны — тогда фронт был далеко. Скорее всего, это событие произошло в августе–сентябре 1918 года, когда пленный чешский батальон, продвигаясь к фронту, выбивал красных из города, или когда потом красные опять отбивали город у оставшихся там белых. Тогда Володе как раз исполнилось 10 лет.

Через какое-то время Володя услышал странные звуки, которые доносились из сада. Он подумал, что это кричит какая-то незнакомая птица, и спросил у отца. Александр Петрович объяснил, что это не птица, а работает радиопередатчик, и показал на тачанку, расположившуюся в дальнем конце сада, у самого спуска к реке Казанке. Это была та самая, ворвавшаяся к ним тачанка, только лошадей распрягли и куда-то увели, а сама она, оказывается, обосновалась

в их саду. Вокруг хлопотали какие-то военные. На ней и располагался какой-то ящик, от которого неслись эти странные звуки. Александр Петрович объяснил, что это — радиопередатчик, он посылает сигналы, радиоволны, которые летят на очень далекое расстояние, не видимые глазу и не слышимые человеческим ухом. А где-то далеко люди со специальным устройством — радиоприемником их «ловят», прослушивают, записывают и расшифровывают, так как они передаются специальной азбукой Морзе. На вопрос, а как это работает, отец ответил: «Ты пока не поймешь».

Радио тогда потрясло детское воображение. Володя пытался себе представить, что это за такие радиоволны, невидимые и неслышимые, которые так далеко летят? Как же они получаются? Антенна, что ли, так дрожит? Как их потом ловят?

Статью Володя написал. Для этого, правда, пришлось быстренько выучить тригонометрию, которую они еще в школе не проходили. Однако, чтобы по-настоящему разобраться в статьях журнала по радиотехнике «Телеграфия и телефония без проводов», который по его просьбе принес отец, этого оказалось мало. (В то время популярных журналов по радиотехнике, еще только зарождавшейся науке, не было.) Тогда-то он и решил, что будет всерьез заниматься радио.

Итак, выбор был сделан!

Из Киева семья Котельниковых уехала в 1924 году. И только спустя почти 40 лет Владимиру Александровичу Котельникову довелось опять побывать в этом городе. К тому времени он уже стал академиком, и в Киев приехал в командировку по делам Академии наук СССР. Как только появилось немного свободного времени, он отправился навестить места своего детства.

Улицу Тургенева нашел без труда. К большому удивлению и радости, дом № 18, в котором они жили во время гражданской войны у тети Паши, стоял целехонький. Владимир Александрович зашел во двор и был поражен — тот самый дощатый двухэтажный сарай, в котором когда-то хранились дрова и мальчишеские трофеи, как ни в чем не бывало, все так же стоял на своем месте! В мыслях промелькнула череда событий, промчавшиеся с момента их отъезда... Война...

Он приготовился сфотографировать сарай и дом, как вдруг услышал:

— А Вам, товарищ, что здесь надо? Вы кто? Из Жилотдела? — спросила проходящая мимо женщина с сумками, наверное, возвращавшаяся из магазина.

— Из Райсовета? — высунулась из открытого окна какая-то старушка.

Время летнее, и многие окна дома были распахнуты.

— Безобразия! Посмотрите, в каком состоянии дом! Разваливается, и никому до этого нет дела! — слышалось из другого окна.

— Да, да! Либо ремонтируйте, либо переселяйте нас куда-нибудь! Мы будем жаловаться выше!

Сквозь этот гвалт Владимир Александрович попытался объяснить взбужденным женщинам, что к ремонту дома он не имеет никакого отношения. И вообще, живет в другом городе, а сюда приехал только в командировку и хотел посмотреть места, где жил когда-то в детстве.

— Жил? — насторожилась одна из женщин.

— А в какой квартире? Как фамилия? — спросила другая.

Владимир Александрович сказал. И тут из окна бывшей квартиры тети Паши высунулась голова:

— Врет он все! Ничего он здесь не жил! Никакие Татариновы и Котельниковы не жили тут! Годики, Годики до нас тут жили! Врет он все!

— А вообще, кто он такой? Пусть документы покажет! — прокричала другая женщина.

— Милицию надо позвать! Вон и фотоаппарат приготовил, фотографировать собирался. Может он вообще шпион какой-нибудь!

Тут уж Владимир Александрович решил больше не раздражать разъяренных женщин. Бог с ними, с фотографиями. Да и времени прошло уже много, надо возвращаться к делам. Вежливо простившись с жильцами, он удалился.

В Политехнический институт он сходил на следующий день. Посетил сам институт, посмотрел дом, в котором когда-то жили, побродил по территории... Там все обошлось спокойно.

Владимир Александрович рассказывал, что в этих же жилых домах в свое время жили и академики М.А. Леонтович и Б.Е. Патон. Только Михаил Александрович раньше него, с 1904 по 1906 гг., а Борис Евгеньевич позже. И Владимир Александрович с Борисом Евгеньевичем не раз вспоминали былые годы, проведенные в «Политехе».

## Москва

В 1924 г., когда Володе было уже 16 лет, семья переехала в Москву. В Киеве началась активная «украинизация». Стали требовать, чтобы профессора читали лекции на украинском языке. Обстановка, которая создавалась в учебных заведениях Киева, Александру Петровичу не нравилась, и он в возрасте 59 лет решил переехать с детьми в Москву. Его давно приглашали на профессорскую должность в МВТУ им. Баумана. В МВТУ профессор Александр Петрович Котельников занял должность заведующего кафедрой теоретической механики, которой руководил впоследствии в течение 20 лет, до самой своей смерти (с 1924 по 1944 г.).

Когда Котельниковы приехали в Москву, то поселились в квартире, выделенной Александру Петровичу в одном из зданий МВТУ, на улице Большая Гороховская (позже ул. Казакова) в доме № 29.

Но прожили они в ней совсем недолго. Потом пришел какой-то человек и, долго извиняясь перед Александром Петровичем, объяснил, что эта квартира понадобилась для какого-то партийного начальства, поэтому он очень просит его переехать на время в другую, пообещав, что вскоре предоставят уже постоянную хорошую. Временная квартира была тоже трехкомнатная, но в ней не было ни ванной комнаты, ни туалета. «Удобства» располагались на лестничной площадке того же этажа. Александр Петрович был человеком деликатным и, конечно, согласился. Котельниковы не были избалованы жизнью, поэтому по этому поводу особенно не переживали. Вскоре им действительно предоставили полноценную трехкомнатную квартиру № 10, в которой жили до 1941 года.

Квартира была очень хорошая. Хотя комнаты были и небольшие, все великолепно в ней разместились. Отдельные комнаты были у папы и у Тани, а Володя с Севой поселились вместе.

И все было бы прекрасно, если бы не оказалось, что в этой самой квартире уже до них поселился очень неприятный жилец, который чувствовал себя там полноправным хозяином. Это была большущая, ужасно хитрая и страшно нахальная серая крыса. Вход в «ее апартаменты» был из Володиной и Севиной комнаты. Если бы она вела себя прилично, жила спокойно, иногда подворовывая немного продуктов себе на пропитание, то можно было бы и терпеть, но она просто бесчинствовала. На кухне переворачивала все вверх дном, прогрызала пакеты с крупой, воровала из продуктов все, что могла утащить. А время было

голодное. Кроме того, она грызла все подряд. Особенно ей почему-то нравились книги и тетради. Ребята пытались бороться с ней всевозможными способами. Затыкали лаз в ее нору какими-то тряпками, деревяшками, пытались забить доской, замазать штукатуркой... Все бесполезно. Это все моментально прогрызалось. Кто-то посоветовал замуровать лаз битым стеклом. Замуровали, а на следующий день она явилась, как ни в чем ни бывало. Когда же ее просто прогоняли, то она шипела и «окрысивалась». Хорошо хоть сама не нападала. Так они и жили в постоянном противостоянии с этой «нахалкой».

Однажды Володя, лежа на своей кровати, читал книгу и боковым зрением отметил, что из норы вылезла «нахалка». Пробежалась по комнате, все обнюхала, потом залезла на стол и начала там шуровать среди книг. Володе не хотелось отрываться от чтения и вступать с ней в борьбу. Отработанным движением руки он подцепил с пола тапок и швырнул в крысу. Та ловко увернулась, на некоторое время затихла, а потом опять принялась за свое. Володя подцепил второй тапок и опять запустил в нее. Тут уж он не промахнулся. Крыса стрелой метнулась к норе и исчезла. Но вскоре из норы опять показалась ее морда. Пришлось отложить книгу. Володя лихорадочно соображал, что бы такое предпринять... И тут его осенило! Он быстро вскочил, схватил с тумбочки почти полный флакон «Тройного одеколона» и вылил все его содержимое в нору... («Тройной одеколон» в то время был самым распространенным средством после бритья.) Крыса была побеждена! Больше она никогда не появлялась. Наконец-то в этой квартире началась нормальная жизнь.

Много лет спустя, когда как-то возникла подобная проблема, правда не с крысой, а с мышами, Владимир Александрович спросил у меня: «Не знаешь, сейчас “Тройной одеколон” продается? Замечательная вещь! Может, попробуем?» И рассказал эту историю.

**ВАК:** «Жили мы в большом, по меркам того времени, пятиэтажном доме из красного кирпича, с двумя подъездами и проемом посередине — въездом во двор. Здание построили, вроде, незадолго до Первой мировой войны для учебного заведения, но с началом войны заняли под госпиталь. После революции, когда был принят проект электрификации, его отдали МВТУ. Там помещались некоторые лаборатории и квартиры для профессоров института. Ремонтировать его не давали, говорили, что он пойдет на слом. В 30-х годах был проект реконструкции г. Москвы, по которому Гороховскую улицу собирались “спрямить”, а соответственно дом убрать — либо сломать, либо передвинуть. Эти разговоры были как только мы приехали в него жить, продолжилось и во второй наш приезд (имеется в виду переезд опять в этот дом, когда в 1951 году ВАК получил там квартиру для своей семьи), а дом так до сих пор и стоит. Дома передвигают вместе с водопроводом, жильцами. Как-то подкапываются, ставят его на рельсы и передвигают на новый фундамент. Так в 30-х годах передвинули одну сторону Тверской улицы — все мало-мальски стоящие дома. Это делали до и после Великой Отечественной войны. Благополучно передвигали, и дома до сих пор стоят, и хоть бы что им.

Одна сторона правого подъезда нашего дома была занята под профессорские квартиры. А в другой части и в левом подъезде находились лаборатории. На пятом этаже — вакуумная и электротехническая лаборатории, ниже — высоких напряжений, электрических машин... Лаборатория электрических машин оставалась еще очень долго, во всяком случае, до 1958 г., а может и еще дольше. Там были огромные маховики, и когда они работали, то дом дрожал. Когда мы там жили второй раз (1951–1958 гг.), на пятом этаже, то во время работы этих машин вода в графине, стоящем на столе, сильно плескалась.

Тогда же, в 20–30-е годы, неподалеку на нашей улице, ближе к Земляному валу, находился Техникум связи, а дальше, в переулке — газовый завод. Там из каменного угля добывали газ для фонарей. Его как-то не дожигали, и часть превращалась в газ. Когда мы там жили, на улицах были газовые фонари. Иногда, когда ветер дул с той стороны, пахло газом. Напротив нашего дома в здании, построенном по проекту архитектора Казакова, и окружающем его парке уже тогда, как и сейчас, был Институт физкультуры. Думаю, еще до революции там уже был какой-нибудь институт.

Когда мы только приехали в Москву, то никого еще не знали, и первый, с кем нас познакомили, был Левка Крушинский, Севин ровесник. Левка был внуком папиного учителя в казанской гимназии, а потом и университете, — профессора Александра Васильевича Васильева. Жили они рядом — в Денисовском переулке. Левка очень любил животных и занимался в кружке юных натуралистов (юннатов) при Московском зоопарке. Там они ухаживали за всякими животными, изучали их повадки. И еще у него была большая собака — помесь собаки с волком. Тогда это было очень модно — все находилось под впечатлением повести «Белый Клык» Джека Лондона».

Ребята очень подружились. Со временем все они стали специалистами в разных областях науки и техники: Володя — в радио, Севка — в авиации, а Левка в зоологии, однако дружба сохранилась до последних дней их жизни. Особенно были близки ровесники — Левка с Севкой.

Таня, Володя и Сева продолжили свое обучение в школе-семилетке № 15, которая находилась не очень далеко от дома — в переулочке между Старой Басманной и Новой Басманной улицами, перед тем, как они клином сойдутся на площади Разгуляй, где находится Елоховская церковь. Школа занимала только часть помещения. В том же здании находился Педагогический институт или техникум.

В то время было семилетнее образование, и Володя поступил в последний, 7-й класс. Школа была самая обыкновенная. Из учителей ему запомнились только два — географии, который очень живо и красочно рассказывал о разных странах и всяких путешествиях, и рисования, рассказывавший очень интересно о живописи, художниках и особенностях их техники... В общем, основными предметами он занимался самостоятельно.

Радиолобительством Володя всерьез занялся уже в Москве. В 1924 г. начал выходить научно-популярный журнал «Радиолобитель». Володя караулил каждый выпуск журнала, который покупал в книжном киоске на выделенные для этого отцом деньги. Позже они стали выписывать этот журнал. Он с жадностью изучал его от корки до корки. Радиодетали покупал на Охотном ряду, на огромном рынке, который простирался от гостиницы «Метрополь» и захватывал теперешнюю Площадь Революции (до здания бывшей Городской думы, в 1936 г. переданного под Центральный музей В.И. Ленина). Гостиница «Москва» тогда еще не была построена. Денег было мало, а радиодетали стоили дорого, поэтому приходилось как-то исхитряться, чтобы обойтись только самыми необходимыми. Так он придумал, как обойтись без дорогостоящих клемм, и поделился с собратьями-радиолобителями своим «изобретением», написав заметку «Без клемм и скруток», которая была опубликована в одном из журналов «Радиолобитель» (1925 г.) в разделе «Я предлагаю». Это была его первая публикация. В журнале регулярно печатали статьи о работе Нижегородской радиолaborатории, и Володя решил, что когда-нибудь постарается устроиться туда работать. Его мечте суждено было осуществиться лишь частично.

Сева с энтузиазмом помогал брату в его радиоделах. Потом он вспоминал — «Володя был — голова, а я — дополнительные руки».

Окончил школу Володя в Москве, в возрасте 17 лет (1925 г.).

### Летние каникулы (1926–1928 гг.)

Летом, в каникулы, Александр Петрович старался детей отправить из пыльной и душной Москвы отдыхать за город.

**Орехово** (1926, 1927 гг.). Два года подряд в летние каникулы Таня, Володя и Сева отдыхали в Орехово, имении Николая Егоровича Жуковского, по приглашению его дочери Наталии Николаевны Жуковской. Это имение было оставлено ему за выдающиеся научные достижения, имеющие большое значение для страны, по указу Совнаркома, подписанному лично В.И. Лениным. Самого Николая Егоровича уже не было в живых, он умер в 1921 году, и в имении жили его сестра Мария Егоровна и дочь Наталия Николаевна. Александр Петрович был хорошо знаком и с той и с другой. С Марией Егоровной он познакомился еще в Киеве, когда после защиты докторской диссертации работал в Киевском политехническом институте. И однажды, на обеде у Марии Егоровны, куда он был приглашен вместе со своими друзьями, он впервые лично познакомился с Николаем Егоровичем, приехавшим в Киев в гости к сестре. До этого они были знакомы только по работам. Об этом он с волнением написал своей сестре Елизавете, с которой они еженедельно переписывались. А с Наталией Николаевной они были хорошо знакомы, поскольку Александр Петрович разбирался с научным наследием Николая Егоровича — готовил материал к изданию собрания его Трудов. Он подбирал и редактировал статьи и завершал незаконченные им работы.

В Орехово отдыхали четвером — Таня, Володя, Севка и Левка. Александр Васильевич Васильев в свое время дружил с Жуковским, и после его смерти с Наталией Николаевной и Марией Егоровной у него остались добрые отношения. Они часто приглашали Левку отдыхать в Орехово. Левка брал с собой еще и свою собаку.

Всем хозяйством в Орехово заправляла Наталия Николаевна — очень энергичная женщина. Тогда был как раз период нэпа, и она организовала у себя в имении «маслобойню», которой сама и управляла. Володе было очень интересно, как там у них все было устроено. Наталия Николаевна покупала подсолнечник и потом прессом отжимали масло. А от семечек оставался жмых, которым потом кормили птицу и скот. Ребятам разрешалось его брать, и они с удовольствием его грызли. Это казалось сказочно вкусно. Масло получалось очень душистое и вкусное, им давали его во время еды.

Со старушкой — Марией Егоровной они почти не общались. У нее был любимый черный кот, который, сидя у нее на плече, везде сопровождал ее.

Ребятам в Орехово было раздолье. Места очень красивые — поля, леса, пруд. Днем они бродили по окрестностям, купались в пруду, немного помогали Наталии Николаевне. У Левки там были свои подопечные куры — какие-то диковинные, с очень красивым оперением. Где-то в сарае нашли старое охотничье ружье со сломанным бойком. Володя взялся его чинить. Когда это ему удалось, то ребята решили его испытать — выстрелить в ворону. Левка нашел патроны. Зарядили ружье, стрельнули и ... ворона, как ни в чем не бывало, вспорхнула и с карканьем улетела, только листья с дерева посыпались. Стали проверять,

в чем дело. Оказалось, что ствол у ружья был «нарезной», и дробь закручивалась в стволе и, вырываясь наружу, разлеталась по окружности. Так что охотиться, как они мечтали, им не пришлось.

Как-то оказалось, что там недалеко отдыхала и Варенька Одорацкая, с которой ребята дружили еще на даче в Аракчино, под Казанью. Были еще и левкины приятели, так что компания у них была большая и веселая. Варенька стала очень красивой девушкой, и Левка с приятелями уделяли ей много внимания.

Много лет спустя Владимир Александрович, просматривая журнал «Огонек», вдруг увидел репродукцию картины кисти Кустодиева «Варенька Одорацкая».

Когда ребята ходили гулять, то всегда брали с собой Левкину собаку. Она была очень красивая, но дурная. С ней были сплошные хлопоты. Очень сказывался большой процент «волчьей крови». Во-первых, она была ужасно трусливая — боялась грозы, резких звуков... Но самое ужасное, что поведение ее было абсолютно непредсказуемое. Идут гулять — все вроде нормально, но как только где-нибудь попадалось стадо, происходило что-то ужасное. Собака кидалась охотиться за скотом. Загрызает вроде никого не загрызала, но распугивала и разгоняла все стадо. Пастухи были в панике — сначала думали, что это волк. Потом же, узнав, что это просто собака, страшно ругались, потому что им приходилось в результате долго разыскивать свою скотину по окрестным лесам и перелескам.

По ночам ребята удирали через окно на волю, где разводили костер, копали в поле картошку и потом пекли ее в раскаленных углях... «Подвигов» у них было немало. Одно из пребываний ребят в Орехово закончилось тем, что как-то ночью Севка свалился с балкона, который под ним обрушился, и сломал руку.

**Дютьково.** Летом 1928 года, после второго курса, Володя был отправлен в военные лагеря. Когда же вернулся, то они — Володя, Севка и Левка, решили поехать отдыхать в деревню. На этот раз «без девчонок». Таня то ли была где-то на практике, то ли отдыхала с другой компанией. Какие-то папины знакомые посоветовали поехать в деревню Дютьково, что под г. Звенигородом по Белорусской железной дороге. Говорили, что место там исключительно живописное. По рекомендации каких-то знакомых ребята сняли там комнату в одной из изб и договорились с хозяйкой, что она будет их кормить. Что еще нужно в этом-то возрасте! В общем, устроились прекрасно.

Места там действительно были сказочные. В то время вокруг была еще совсем дикая природа. Не было еще ни шоссежных дорог, ни такого множества домов отдыха и дачных поселков. Вчетвером — Володя, Севка, Левка и его четвероногий друг собака-волк — с утра уходили из дома и целый день бродили по окрестностям, наслаждаясь природой и свободой. Погода была прекрасная, и они много времени проводили на Москве-реке. Единственной проблемой у них был пес. Главную опасность для них представляли местные пастухи. Поэтому ребята, чтобы не пострадать из-за проделок Левкиного любимца, старались не попадаться под их горячую руку.

Левка, их главный натуралист, всегда стремился быть предводителем их «экспедиций». Он уверял, что знает множество примет, по которым можно сориентироваться на местности, и поэтому выведет их откуда угодно. Ребята не возражали. Но очень часто они, в конце концов, сбивались с дороги и понимали, что окончательно заблудились. Тогда за дело брался Володя. В критических ситуациях штурманом был Володя, он был старший и у него был компас.

Однажды ребята отправились купаться на Москву-реку. Денек был замечательный, и они не заметили, как стало смеркаться. Возвращались уже в темноте. Левка успокоил, сказав, что дорогу хорошо знает, и повел их по лесным тропам, дорогам лесников и крестьян, которые ездили на покос. А эти тропы и дороги почему-то имеют обыкновение вдруг кончаться. В конце концов, после того как они долго проплутали в темноте и оказались в какой-то неимоверной чашобе, Левка сдался. Вокруг уже была такая темнотища, что разглядеть что-либо на Володином компасе было совершенно невозможно. Стрелки и циферблат компаса были обыкновенные, не фосфоресцирующие. Ребята были в некоторой растерянности. Можно было бы залезть на дерево и попробовать сориентироваться по звездам, но звезд видно не было, небо было совершенно черным, наверное, его затянуло облаками. Ночевать в лесу совсем не хотелось, стало уже довольно холодно и сыро. А идти в такой кромешной тьме было просто невозможно: во-первых — непонятно, в какую сторону, а во-вторых — то и дело натыкаешься на кусты и деревья. И вдруг Володя заметил, что невдалеке что-то мелькнуло. Он стал пробираться в этом направлении и увидел, что там, действительно, что-то едва светится. Продравшись сквозь какие-то кусты, он увидел в траве светлячка. Володя на четвереньках полез сквозь чашобу, добрался до светлячка, аккуратно взял его в руку и ползком, боясь повредить или уронить драгоценную находку, добрался до ребят. Там он посадил светлячка на компас, и уже дальше они шли, ориентируясь по хорошо освещенному компасу. Так и добрались до деревни. Это был последний в их жизни совместный отдых.